

## ГОГОЛЬ И МЫ

Автор: И. Г. ЯКОВЕНКО

*ЯКОВЕНКО Игорь Григорьевич - доктор философских наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.*

В названии новой книги А. Давыдова<sup>1</sup> содержится вызов. Первое, что приходит на ум: чужая душа - потемки. Что, опираясь на одни лишь тексты, можно сказать о душе человека, да еще хронологически разделенного с тобой доброй сотней лет? В такой постановке вопроса слышится угроза личной автономии. Но знакомство с текстом снимает эти опасения. А. Давыдов написал в высшей степени личностную книгу, пронизанную постоянным диалогом с самим собой и читателем, в которой широко раскрывается сам автор. Человек, отважившийся на такой стиль размышлений и выдерживающий его на протяжении всего текста, имеет право на суждения о *душе* Н. В. Гоголя. О чем эта книга, и что нам до души Гоголя?

В самом широком смысле А. Давыдов написал книгу о трагедии бытия. Эта универсальная трагедия специфицирована. Модус - трагедия человека в истории. Есть неустранимое противоречие: человек качественно определен, ресурс его изменчивости конечен, а движение истории (то есть, качественное преобразование Вселенной) бесконечно. Она (история) разрушает мир, в котором сложился и затвердел, окостенел этот человек, маргинализует, превращает его в прах. И человек остается один на ветру истории. Мы говорим об универсальной ситуации. В ранние эпохи названная проблема сказывалась относительно слабо, не осознавалась, представляла в сознании людей в несобственных формах. А с XVI в., когда Западная Европа вошла в эпоху динамики, противоречие, заданное конечностью человека и бесконечностью исторического движения, осознается и становится универсальным. К XIX в. процессы осознания драмы человека в истории докатились и до России.

Для одних поколений драма человека в истории реализуется предельно мощно. Жизнь других падает на периоды латентного накопления нового качества. Частные изменения накапливаются на втором плане, агрегируются незаметно в целое, с тем, чтобы взорвать и разрушить устойчивое вчера-сегодня-завтра, переживаемое ориентированным на традиционные ценности человеком как сакрально-вечное Всегда. Это - эпохи так любимого нашим обществом застоя, который представляется российскому обывателю Золотым веком.

Надо сказать, что Н. В. Гоголь как раз и жил в классическую эпоху застоя. Власть реализовывала политику консервации всего вчерашнего и позавчерашнего.

---

<sup>1</sup> Давыдов А. П. Душа Гоголя. Опыт социокультурного анализа. М.; Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 264 с.

Массовый человек мог бы довольствоваться картиной устойчивости. Но гениальный художник чувствовал, с одной стороны, распад и деградацию дорогого ему традиционного мира, а с другой, - выстраивание этих частных изменений, губительных тенденций, соблазнов, исторических и культурных альтернатив, которые медленно, но неотвратимо разъедали ткань традиционного космоса. Чувствовал он и то, что "наш" человек лишен некоторых качеств, абсолютно необходимых для бытия в современном Гоголю мире - самодисциплины, установки на оптимизацию и постоянный поиск эффективного, серьезных нравственных оснований. В формах, данных художнику, Гоголь переживал, осознал проблему, стоящую перед обществом и перед каждым человеком, и искал ее решения.

Ситуацию конфликта между человеком и эпохой можно переживать и осмысливать по-разному. Прежде всего, существуют две качественно различающиеся позиции. Можно быть традиционным человеком и тяготеть к традиционным ценностям, а можно быть человеком модернистских ориентации и, при всех пережитках и вчерашних рефлексам, тяготеть к либеральным ценностям, личностной автономии, динамичному обществу.

Однако этим разделением дело не исчерпывается. Совокупность людей, сущностно традиционных, дробится на две большие группы. Одна объективно и субъективно ориентируется на неизменную традицию. Это - жесткие консерваторы и реакционеры. Другая - переживает инверсию, отторгает старый мир и проникается революционной эсхатологией. Отторгая погрязший в пороках старый мир и чая нового, эти люди движимы стремлением сохранить сущностно доличностный космос традиционного человека. Новый мир - коррелят вечной утопии Опонского царства, создаваемой традиционным крестьянином, идеализировавшим параметры до-государственного родоплеменного существования.

Что же касается совокупности людей, ориентированных на ценности модерна и динамики, то эта группа слабо подвержена эсхатологическим соблазнам и плохо радикализуется. В массе своей они ориентированы на эволюционное развитие в рамках легальных правовых механизмов. Если радикалы бросают власти вызов, подстегивая историю бомбами и браунингами, то либералы стремятся к диалогу с властью, приводя в качестве весомого аргумента в пользу широких реформ рост лагеря непримиримых радикалов<sup>2</sup>.

Широчайшая мозаика общественных и политических движений, доктрин и позиций, диктовавших отношения к власти, народу, современности, задавалась описанными базовыми ориентациями. Так было, по крайней мере, с сороковых годов XIX в. и вплоть до февраля 1917 г. Эпоха Гоголя лежит в самом начале описанного процесса. Общество только входит в индустриальную эпоху, формируются основные коллизии, намечаются сюжетные линии идейного и общественного противостояния. Н. В. Гоголь был человеком искусства. Его ответы на вызовы времени лежат в пространстве художественной литературы и публицистики. Книга А. Давыдова о том, как трагедия человека, которому выпало родиться в традиционном обществе, а жить в мире утверждающегося модерна, прошла через душу Гоголя. В монографии он предстает первым (и в то же время модельным) русским человеком, стремившимся найти личностное решение (как художественное, так и идейное) проблемы соединения двух эпох, двух различающихся онтологий.

В эпохи качественных переходов человек заново формулирует вечные вопросы и вынужден искать новые ответы. Новые, ибо старые не работают, не эффективны, не убеждают. Тот, кто не чувствует этого обстоятельства, - критически неадекватен

---

<sup>2</sup> Одна из карикатур эпохи Первой русской революции имела следующий сюжет: обращаясь к представителю власти, эсеровский боевик говорит: "Если вы не сделаете реформ, я брошу бомбу". На другой картинке - кадет показывает рукой на боевика и говорит тому же агенту власти: "Если вы не проведете реформ, он бросит бомбу". Разница между радикалом и либералом схвачена точно.

изменившейся реальности и его не переубедишь. Общество распадается на новых людей и приверженцев старины, искренне не понимающих в чем дело, полагающих, что вся причина порчи в отходе от проверенных вековых ответов. Гоголь разрывался между этими позициями.

А. Давыдов разворачивает свое исследование с экспликации теоретико-методологических оснований. Автор представляет категориальный аппарат, формулирует базовые оппозиции: "Всеобщее - единичное" (Бог - человек), "культура", "общество", "инверсия", "медиация", "социокультурное противоречие". В этих противоречиях и собирается нерв эпохи. "Снятие противоречия - это проблема для Гоголя. Но это и самый дискуссионный вопрос для всех культур во все времена" (с. 31). За противоречиями следует одна из центральных категорий - "социокультурный раскол". Раскол связан с инверсионным типом мышления, органически не способным к рождению новых, третьих смыслов, мышлением, мечущимся от одного полюса к другому. А. Давыдов видит в расколе главную проблему русской культуры. Раскол снимается в "срединной культуре", которая является результатом преодоления крайностей, результатом медиации. "Значение Гоголя в том, что он был первым, кто поставил вопрос о срединной культуре как сложном, противоречивом и неустойчивом образовании... Поиск середины не затушевывает вопроса о расколе, а обнажает его, вскрывает как нарыв..." (с. 37).

Гоголь входит в литературу как поэт патриархальной народной почвы. Это мир, из которого он вышел сам. Здесь еще нет социокультурного противоречия, "нет личности, нет самоизменения, нет внутренней борьбы" (с. 54). В "Вечерах на хуторе близ Диканьки" нам явлен христиано-языческий синкретиз традиционной культуры. Художник пишет об архетипе соседской общины, о родоплеменном братстве. Человек не вычленился из природно-культурного универсума. "Неотделимость человека от космоса, природы, соседа, чёрта, богов, Бога - признак неурбанизированной культуры" (с. 58). Люди старших поколений, которым довелось заставить мир патриархальной традиции, знают силу и притягательность этого универсума, дарующего счастье нерассуждающего бытия, бытия до умных слов и общих понятий, несущего чувство гармонии, принадлежности к чему-то безусловному, вечному и правильному. Автор книги о Гоголе напоминает - идея "Золотого века" восходит к памяти о патриархальном существовании до всех и всяческих расчленений.

Но эти истины очевидным образом не покрывают собой универсум, ибо "Человек сложнее, чем он получился в "Вечерах". В нем не только родоплеменное, "соборноцельное, все знающее и абсолютно защищенное традицией. В нем есть и личностное, индивидуальное, противоречивое, распахнутое миру, мучающееся в постановке вопросов и поиске ответов". "Но если изъять из человека победоносно-народное, уверенно-братское, ура-соборное, в котором живет человек исстари, что в нем останется?" (с. 68). Что остается в патриархальном человеке, переезжающим в холодный Петербург? Пустыня и беззащитная личность, лишенная опоры на род - отвечает А. Давыдов.

Далее автор разворачивает беспощадный анализ "Тараса Бульбы", раскрывая пафос произведения как апологетику "нашизма". "Это была культура варваров, грабивших и прожигавших награбленное ... воля, разгул, распад семьи и бомжевание. Это были преступления против человечности" (с. 75). Чистая, святая правда, оценка из пространства мира, отмечающего шестидесятилетие "Всеобщей декларации прав человека", но признаем, мы привыкли к совершенно иным пассажам по поводу Тараса Бульбы. Демонстрируя высокую степень интеллектуальной свободы, А. Давыдов нарушает неписанные правила игры. Он приоткрывает изнанку нашего сознания, вскрывает истоки восходящей к родо-племенным моделям идеологии "державности". Позволяет увидеть место российского сознания на ментальной карте современного мира. "Зверские стереотипы, которые господствуют в повести о казаках, живших в голой степи и ненавидевших другие народы, тайно господствуют и в нас, живущих в городах... Эти стереотипы, действительно, говорят о "широте русской

души", но только о широте души дикой, убивающей, волчьей. ...и "нашизм" XXI в. - это тоже оттуда" (с. 84).

Однако Тарас Бульба это - идеализируемое Гоголем прошлое. А что же современная ему реальность? Ответом на этот вопрос становится мир старосветских помещиков. Как указывает автор, здесь впервые появляется социокультурное противоречие. "Эти повести Гоголя - о патриархальной России, о ее умирании. И о том, что процесс этот необратимый" (с. 88). Гоголь разворачивает картину мира, который пережил самого себя. Дух покинул данные пространства, и люди, населяющие его, переходят на уровень сонно-биологического существования. Бессмысленное существование в обреченной культуре оборачивается человеческим мельчанием. "Вскоре умерло одно ничтожество - Пульхерия Ивановна, через некоторое время другое - Афанасий Иванович. А два идиота - Иван Иванович и Иван Никифорович тупо судятся уже десять лет из-за ничего..." (с. 89).

Вывод автора сводится к тому, что царство соборности, построенное на натуральном хозяйстве, примитивном товарообмене, безденежных отношениях, локализме и вечевом сознании, стоит перед фундаментальной проблемой. "Проблема возникла в виде ясно понятного вопроса о тупике и смутного ответа "Скучно жить на этом свете, господа!" (с. 91).

Но что же дальше? На смену зажившегося патриархального универсума очевидным образом идет капиталистический город. Анализируя "петербургские" рассказы, автор книги о Гоголе утверждает, что они о городе и о цивилизации вообще. Гоголя не устраивает качество человеческого материала. "Исторически сложившаяся в человеке патриархальная культура делает его в условиях города слабым, ничтожным, мухоподобным" (с. 95). Те, кому довелось наблюдать стариков, вырванных страшным XX в. из провинциальной тиши и брошенных в мясорубку современной столичной жизни, помнят непередаваемое выражение беспомощности во взгляде этих людей. Навсегда пришибленные большим городом, они не смогли ни понять, ни природниться к новой реальности. Дети и внуки, родившиеся в городе, экзистенциально чужды этим старикам, у которых единственная душевная улада состояла в воспоминаниях. В своем кругу они предавались воспоминаниям о детстве и молодости, о жизни в мире, который давно исчез. Гоголь описывал не личную драму или драму поколения. Он описал трагедию большой исторической эпохи - бытия на сломе традиции и модерна. А. Давыдов улавливает тонкие и бесконечно важные сущности. Это не аналитическое суждение культуролога, а личностное свидетельство человека, родившегося в забытом Богом украинском местечке и прожившего всю жизнь в Москве.

Вчерашний сельский житель сталкивается с реальностью города, которая для Гоголя совершенно аморальна. Чванливый городской чиновник подавляет "маленького человека". Город населен мошенниками и полон соблазнов. Он подталкивает человека на путь жизни внешней - ради чинов, денег, славы, социального успеха. В городе во всю силу разворачивается власть денег. Патриархальный мир лишен этих соблазнов и, Боже мой, как же так трудно устоять! Обращаясь к повести "Портрет", А. Давыдов показывает, что город под пером Гоголя обращается в метафизическое мировое зло.

Город не только пригибает традиционного человека к земле, но уродует его. "Маленький человек" Поприщин из "Записок сумасшедшего" "несет в себе стереотипы зависти, комплекс неполноценности, страх, психологию раба" (с. 108). Обращаясь к "Шинели", Давыдов делает сильное утверждение: "Анализ Гоголем "маленького человека" - это самоанализ", а далее в очередной раз выходит за рамки накатанного дискурса. Он показывает, что в Акакии Акакиевиче сходится нравственно-философская проблема маргинала. Как относиться к неудачникам, людям социально ничтожным, при том, что это ничтожество задано объективными характеристиками человека? "Всеобщая сущность, создавая Акакия Акакиевича, забыла вдохнуть в него способность к творчеству" (с. 120). Акакий Акакиевич страдал от унижений сотрудников и получал ни-

щенскую зарплату, Но если бы сотрудники относились к нему предельно корректно, а власть обеспечивала работников низшей квалификации достойным минимумом, трагедия маленького человека осталась бы. Как быть с феноменом серости, бездарности, человеческого ничтожества? Утешать себя рассуждениями Н. Бердяева, сформулированными в "Философии неравенства". Здесь нам открывается еще один лик трагедии бытия. Ее надо принимать как данность, не отводя взгляда, не сваливая дело на общество, власть, эксплуататоров. Принимать сострадая, умея увидеть человека (Я брат твой) в самом ничтожном из людей. В этом, на наш взгляд, - один из уроков гоголевской "Шинели".

В казенно оптимистической советской идеологии вся эта проблематика замалчивалась. А. Давыдов формулирует принципиально важные, революционно звучащие истины: "Человек бедный - это в основе своей человек униженный, слаборазвитый, нетворческий, отгородивший себя от общества, с инверсионным мышлением". Общество, которое не маргинализирует описанный человеческий тип, общество уравнилельной богачей загнивает и заходит в тупик. Мы знаем это не понаслышке. Иными словами, человеческая серость обречена срастаться с бедностью; такова природа вещей.

"Как же жить в этом мире? - спрашивает автор и отвечает, - Гоголь пошел войной на современную цивилизацию, которая лежит во зле" (с. 134). Причем, двумя путями - через архаизацию русской культуры, ища истину в патриархальных ценностях Святой Руси, и через модернизацию, ища истину в смысле личности. Иными словами, сама его рефлексия несла в себе раскол. А. Давыдов описывает этот раскол как раздвоение между ветхозаветным, восходящим к тотемистическому племенному переживанию, Богом-Отцом и новозаветным Иисусом-учителем, прочитанным в духе Реформации. "Эти метания отразили глубокое противоречие в культуре России между реформой и антиреформой" (с. 200).

Автор утверждает, что основной вопрос русской культуры в постановке Гоголя, как и Пушкина, - почему русский человек не способен к рефлексии, волевому усилию и самоизменению?" (с. 199). Он перечисляет характерные признаки "нашего" человека, многократно описанного Гоголем - природная лень, беспутство, разгильдяйство, надежда на случай, неукорененность в жизни. Однако во втором томе "Мертвых душ" появляются новые типы - Костанжогло и Мурашов, "верящие в Бога аскеты-миллионеры, спасители России, несущие в себе деловой дух протестантизма". Автор подчеркивает, что беспутство и разгильдяйство, оправдывающее себя милосердием Божиим, критикуется в романе с позиции рациональных ценностей, оправдываемых призывом Бога не закапывать свой талант в землю.

В логике автора с Иисусом открывается пространство третьих смыслов. Он и есть та самая середина, в которой преодолевается социокультурный раскол. А. Давыдов убежден в том, что "Русская Реформация в силу исторических обстоятельств разворачивалась не в церкви, а в великой русской литературе XIX - XX в.в., в ее пушкинско-лермонтовской тенденции, что она продолжается и сегодня" (с. 205). Однако, эта реформация далека от завершения. Автор делает принципиально важный вывод: "русскому человеку до сих пор непонятно, что такое Бог как Сын Человеческий и что же он такое - Человек как Сын Божий. В России господствует инверсия: либо вера в Бога-Отца, либо атеизм" (с. 211).

Здесь можно было бы поставить точку. Но автор идет дальше. Обращаясь к текстам произведений и писем писателя, он показывает, что Гоголь защищает право индивидуального пути к Богу, "решительно преодолевает религиозное чванство православия, его попытку выглядеть истинным христианством, а все другие христианские конфессии провозглашать нехристианскими" (с. 218), ищет спасения души на путях службы, увлечен идеей рационализации образа жизни русского человека. И это еще не все. Гоголь продвигает утилитарный нравственный идеал, трактует высокий профессионализм как путь к Богу.

Наконец, он наделяет нравственной ценностью прибыль. "Чем выше прибыль, тем нравственнее - это дико и невероятно слышать русскому традиционному уху даже сегодня - а ... автора естественно сочли сумасшедшим. Однако Гоголь не ошибался ни в словах, ни в мыслях. И во втором томе "Мертвых душ" и в "Выбранных местах из переписки с друзьями" он просто занял радикальную западно-буржуазную позицию в давнишнем споре между интерпретаторами евангелий о нравственности прибыли" (с. 232). "Путь к Богу через эффективность, процент, обогащение светел", - пишет Гоголь в одном из писем матери весной 1843 г. из Рима.

А. Давыдов впадает в восторг от своих открытий, переходит на язык возвышенной риторики - "Гоголевский Бог захлопнул за собою калитку монашеской кельи, вышел на людское торжище и вместе с работниками петровского типа начал управлять, пахать, плотничать, сеять, собирать урожай и строить, а главное, торговать и считать", и завершает главу вопрошанием "Ну как вам Гоголь?". Действительно, такого Гоголя мы не знаем.

Чтение монографии наводит на невеселые мысли о пределах инерции мышления, о чудовищной, непреодолимой силе забытых в школьные годы стереотипов, о том, насколько мы ленивы и нелюбопытны. А. Давыдов не сидел в спецхране, не извлекал из архивов малоизвестные документы. Он взял девяти томное собрание сочинений писателя (М. Русская книга. 1994) и внимательно прочел его свежим взглядом. Честь ему и слава, но мы-то хороши. Мы же живем с иллюзией, что Пушкина и Гоголя знаем вдоль и поперек. Отцы-основатели, базовые имена, фундамент нашей идентичности. В порядке самооправдания скажу - такова наша школа. Место живого, неисчерпаемого в своих интерпретациях текста классики, навсегда занимает вбитая в школе казенная схема (Катерина - луч света в темном царстве. Лев Толстой - зеркало русской революции). А способность видеть эту литературу свежим взглядом, переживать ее как событие, удивляться, смеяться счастливым смехом от встречи с гением уходит. Русская литература как событие - это то, чем тебя не мучили в школе.

Мы проследили основную смысловую линию. Книга А. Давыдова намного шире. Автор раскрывает трагедию позднего Н. В. Гоголя, человека глубоко религиозного, осознававшего мир в системе христианских координат, но при этом искреннего, далекого от любого конформизма, а значит нарушавшего писанные и неписанные правила игры. Он был отторгнут все больше отворачивавшейся от казенного православия демократической интеллигенцией и порицаем иерархией, воплощавшей дух "русско-монастырского фундаментализма".

Автор монографии формулирует проблему поиска культурных оснований современного российского общества. Он снова и снова повторяет, что главная проблема России - социокультурный раскол, и выход из этого тупика лежит на путях творчества, на путях самостояния человеческой личности, отказавшейся от "добровольной передачи своей субъективности Богу-Отцу (иерархии, царю-батюшке, чиновнику) со всеми вытекающими из этого последствиями" (с. 247).

Подводя итоги, надо сказать, что А. Давыдов написал книгу страстную, личностную, не политкорректную, бесконечно далекую от убаюкивающего казенного оптимизма и тупого самолюбования. Отталкиваясь от Гоголя, автор пристально вглядывается в основания русского духа и формулирует стратегические проблемы России. Эта монография может вызвать разные чувства. Во мне она отозвалась надеждой.